

УДК 811.161.1

**ДЕРИВАЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ
ТИПОЛОГИЯ
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ КАТЕГОРИЙ***В.А. Косова***Аннотация**

В статье осуществлён анализ основных подходов к выделению типов словообразовательных категорий по характеру деривационной семантики. Цель исследования – уточнить представление о видовом многообразии словообразовательных категорий и углубить понимание их лингвистической сущности. Обоснована номинативная трактовка транспозиции, с учётом ономазиологической природы словообразовательного значения доказана неправомерность выделения смешанного типа словообразовательных категорий.

Ключевые слова: словообразовательная категория, словообразовательное значение, русский язык, транспозиция, мутация, модификация.

Словообразовательная категория, выделение которой обосновано в трудах младшего представителя Казанской лингвистической школы В.А. Богородицкого около века назад [1, с. 157], при выраженном и всё возрастающем интересе учёных к этому феномену не получила пока должного системно-теоретического осмысления. Настоящая статья представляет собой обобщающий анализ основных подходов к выделению типов словообразовательных категорий по характеру деривационной семантики (то есть по наиболее существенному их параметру) с целью уточнить представление о видовом многообразии исследуемого объекта и углубить понимание его лингвистической сущности. Особое внимание уделяется выявлению узлов теоретических противоречий и поискам путей их разрешения.

При исследовании категориальной словообразовательной семантики мы придерживаемся подхода к языковому значению как «формальному понятию». Раскрывая суть этого подхода, Л.М. Васильев утверждает, что «значение – это, действительно, форма (а точнее – модель), которая накладывается как мерка на более богатое содержание, выделяя, высвечивая в нём те существенные для познания и коммуникации признаки (свойства и отношения), по которым мы узнаём и отделяем одно обозначаемое от другого: один класс предметов от другого класса, одну типовую ситуацию от другой и т. д. Значит, значение не только отражает, но и моделирует обозначаемое, очерчивает общие его контуры, указывает на характерные его признаки» [2, с. 186–187]. Каждая языковая категория (грамматическая, лексико-семантическая, словообразовательная) моделирует внеязыковую реальность особыми, характерными только для неё приёмами

и средствами, которые обусловлены природой и характером конституирующего эту категорию значения.

Главным основанием выделения словообразовательных категорий служит обобщённое (инвариантное) словообразовательное значение (далее – СЗ). В ряду языковых значений оно признано исследователями одним из наиболее сложных для интерпретации. Его специфика на всём протяжении развития словообразования как науки остаётся объектом острых дискуссий.

В отечественной дериватологии получила широкую известность *аффиксальная* концепция, в которой СЗ отождествляется со значением аффикса (форманта) как его материального носителя (И.С. Улуханов, В.В. Лопатин и др.). Позиции данной концепции закреплены её доминирующей ролью в разделе «Словообразование» Русской грамматики (1980). При этом, однако, целые классы дериватов, образованные безморфемным путём, оказываются лишёнными СЗ, в чём заключается известная ущербность аффиксального подхода.

Существуют, кроме того, следующие трактовки СЗ: «разностная» (СЗ как типовая семантическая разность производного и производящего слов), «суммативная» (СЗ как повторяющаяся сумма значений производящей основы со значением форманта) и комбинаторная (СЗ как результат взаимодействия категориальных значений компонентов словообразовательной модели) (см. [3, с. 82–99]).

В рамках *синтаксического* направления в словообразовании было достигнуто осмысление СЗ как особого типа семантических отношений между исходным словом и дериватом, ср.: «Семантическим объектом, который подлежит ведению словообразования, является не значение производного и не пара “значение производного” и “значение производящего”, а та функция, то отношение, которому эта пара принадлежит, которое делает эту пару соизмеримой с другими парами» [4, с. 17].

Сходное понимание сущности этого вида языковой семантики обнаруживается при *ономасиологическом* подходе к производным словам. Е.С. Кубрякова, осуществившая в целой серии работ глубокое системное осмысление словообразовательной семантики в ономасиологическом ракурсе, указывает на способность производного слова к одновременному отражению семантических признаков исходного и результивного класса слов: словообразовательные значения «начинаются на уровне соположения по крайней мере двух общекатегориальных значений, на уровне установления связи между ними» [5, с. 78].

СЗ определяется исследовательницей «как называющее тип связи между тем, что осмысливается как ономасиологический базис, и тем, что воспринимается как ономасиологический признак, при том обязательном условии, что в каждой словообразовательной модели роли признака и базиса строго детерминированы, будучи закреплены, соответственно, за отсылочной и формирующей частями производного согласно типу фиксируемого отношения» [3, с. 102–103]. С этих позиций подлинный смысл словообразовательной категории Е.С. Кубрякова усматривает в том, чтобы «выразить достаточно регулярным способом наиболее типичные связи между двумя субстанциями, между субстанцией и действием и т. п.» [5, с. 78].

Ономасиологическая концепция СЗ восходит к идее М. Докулила о типовом характере семантических отношений между исходными и результирующими

единицами деривации, которые легли в основу организации словообразовательной системы. М. Докулилом установлены (изначально в связи с описанием более широких, ономаσιологических категорий) основные типы таких отношений: транспозиционный, мутационный и модификационный [6, с. 129–149]. Впоследствии эта классификация была дополнена соединительным значением (см. [7, с. 139]), нерелевантным для выделения словообразовательных категорий. Принято считать, что транспозиционные значения соотносятся с областью синтаксической деривации (по Е. Куриловичу), мутационные и модификационные значения соответствуют понятию лексической деривации (см. [8, с. 61–64]).

Кратко охарактеризуем базовые типы СЗ в наиболее распространённом (во многом благодаря отражению в «Русской грамматике» 1980 г.) варианте их понимания. Семантика слов с модификационными значениями включает в себя помимо значения мотивирующего слова дополнительный модифицирующий признак: *домик* ‘маленький дом’, *запеть* ‘начать петь’. Коренного преобразования семантики мотивирующего слова в этом случае не происходит, его предметно-понятийное содержание существенным образом не изменяется (мотивированное и мотивирующее слова имеют одну и ту же категориально-лексическую сему). «Слова с мутационными значениями называют субстанцию, признак, действие, полностью отличные от того, что названо мотивирующим словом (*чай* – *чайник*, *белый* – *белеть*, *жир* – *жирный*)» [9, с. 149], то есть производные слова становятся носителями нового предметно-понятийного содержания. Члены словообразовательной пары принадлежат либо к разным частям речи, либо к различным лексическим классам (лексико-грамматическим разрядам, лексико-семантическим группам) одной части речи. Семантика слов с транспозиционными значениями тождественна значению мотивирующего слова, за исключением частеречного компонента (*смелый* – *смелость*, *читать* – *чтение*, *быстрый* – *быстро*).

Идея подобного разграничения типов СЗ получила широкое признание, составив каркас наиболее известной в современной лингвистике деривационно-семантической типологии словообразовательных категорий. В исследовательской практике словообразовательные категории практически всегда рассматриваются как единицы, в которых, конкретизируясь, реализуются эти типы отношений. Вместе с тем в литературе довольно часто встречаются указания на отсутствие прямого соответствия между выделенными М. Докулилом типами семантических отношений и содержательными типами словообразовательных категорий. Это связано, главным образом, с неоднозначным пониманием называющих эти отношения терминов, что приводит к расхождениям в установлении типа категорий; кроме того, многие дериватологи указывают на существование категорий смешанного типа. Остановимся на каждой из этих проблем подробнее.

Наименее определённым остаётся в современной дериватологии термин «транспозиция». И.С. Улуханов исходит из постулата тождественности во всех компонентах слов с транспозиционными значениями со значением мотивирующего слова за исключением значения части речи: «следует признать, что члены транспозиционных пар должны означать “одно и то же”, одну и ту же реалию

(действие или признак), по-разному в языке грамматически интерпретированную» [9, с. 150]. В рамки данного истолкования вписывается и общеизвестное представление о переходе одной части речи в другую. Размышляя о сущности транспозиции в одной из своих последних монографий [10], Е.С. Кубрякова подвергает сомнению саму постановку вопроса о таком «переходе»: исходный знак, по логике её рассуждений, никуда не переходит, он остаётся в собственной категории. Межкатегориальная деривация, которая «не влечёт за собой никаких лексических последствий» [3, с. 152], приравнивается учёным к понятию синтаксической деривации, осмысливаемой как частный случай транспозиции. Транспозиция получает при этом наиболее широкое истолкование – как образование на базе слов какой-либо части речи производных других частей речи, ср.: «Подавляющее большинство процессов словообразования в разных языках носит характер транспозиции, то есть осуществляется между разными частями речи» [10, с. 341–342].

Данная интерпретация термина имеет когнитивно-лингвистическую основу. Рассматривая все процессы словообразования как моделируемые по законам языковой системы операции по обработке и объективации структур знания, Е.С. Кубрякова видит принципиальную общность процессов транспозиции словообразовательного характера в единстве механизма осуществляемой с их помощью категоризации, а также в общности объективируемых ими концептуальных структур. В понимании учёного, «механизм транспозиции представляет собой такую операцию по когнитивному связыванию ментальных пространств, при которой новая целостная сущность (новое обозначение, новое наименование как *toto*) характеризуется по её части (*pars*), вербализуемой в качестве мотива обозначения» [10, с. 350]. Своеобразие объективируемых в процессах транспозиции структур знания состоит в совмещении и взаимодействии разнопорядковых категориальных смыслов. Такое взаимодействие может быть как очень простым (речь идёт о синтаксической деривации, или транспозиции в традиционном понимании), так и очень сложным. Во втором случае транспозиция «выявляет возможность охарактеризовать процесс по его участнику – лицу или инструменту (*слесарить, пилить*), лицо или инструмент – по выполняемым им действиям (*учитель, резак*), объект – по материалу, из которого он сделан, или по его внешнему признаку (*творожник, рыжик*), и т. д., и т. п.» [10, с. 350].

Главным недостатком общепринятого суженного понимания транспозиции является недоказанность постулируемого лексического тождества производящего и производного слов, которое без труда опровергается исследователями, учитывающими возможности метода компонентного анализа лексики, ср.: «Пары типа *петь – пение* различаются не только частеречными значимостями, но и наличием в существительном семантики отвлечённости» [11, с. 269]. Действительно, общий для единиц подобных словообразовательных пар компонент значения ('действие' или 'признак') осложнён в производном слове как минимум одной дополнительной семой ('отвлечённость'). Введённые М. Докулилом впоследствии уточняющие понятия «чистая транспозиция» (производное и производящее содержательно тождественны и различаются лишь частеречным компонентом лексических значений) и «транскатегоризация» (производное и производящее различаются какими-либо лексико-грамматическими или грамматическими

свойствами) (см. об этом [12, с. 275]) положения не спасают, поскольку у производных обоих разрядов выявляется дополнительная семантика отвлечённости.

Встаёт вопрос о необходимости выбора одной из рассмотренных концепций транспозиции как более предпочтительной. Понимание транспозиции Е.С. Кубряковой, подразумевающее образование на базе слов одних частей речи дериватов с другой частеречной характеристикой, теоретически убедительно и логически обоснованно. Охватывая, помимо общепризнанного прототипического ядра, также область межчастеречной мутации в традиционном смысле, оно устраняет тем самым содержательную неоднородность, приписанную сфере мутационных отношений традиционной трактовкой: на долю мутационной сферы остаётся лишь внутривчастеречная деривация, направленная на создание производного с отличной от исходного слова ядерной лексической семой (*перец* – *перечница*, *нефть* – *нефтяник*).

Вместе с тем нельзя недооценивать силу полувековой научной традиции, которая вполне ощутимо закрепила докулиловский подход к разграничению транспозиции и мутации. Следует признать, что традиционные принципы выделения трёх базовых типов СЗ уже вошли в фундамент теории деривации и учения о словообразовательных категориях как её важной части. Компромиссное решение проблемы видится нам в том, чтобы, оставаясь в целом в рамках этих представлений, принципиально отказаться от взгляда на транспозицию как простую мену частеречной семы источника деривации, поскольку семантическую разницу между именами действия и мотивирующими глаголами, именами признака и мотивирующими прилагательными нельзя свести к грамматической, частеречной. Отличительной чертой транспозиции, её стержнем является перестройка семантической структуры производящей единицы по следующей модели: частеречная сема источника деривации вытесняется в лексическую зону и получает в ней ядерный (доминантный) статус (*чтение*, *разговор*, *стрельба* – имена действия; *свежесть*, *робость*, *упорство* – имена признака). Семантика отвлечённости при транспозиции производящего в субстантивную сферу облигаторно осложняет названные ядерные семы, однако в значении производного не исключены и другие дифференциальные семы.

При таком видении понятие транспозиции оказывается неоднородным, градуированным. Центральную часть шкалы займут наименее номинативные отвлечённые имена действия и признака («чистая» транспозиция, или синтаксическая деривация, по Е. Куриловичу) с присущей им собственно конструктивной функцией, состоящей в свёртывании пропозиции (*Он приехал* → *Его приезд*...). Слева располагается полюс «наиболее чистой» транспозиции (при отадъективном образовании наречий типа *хороший* – *хорошо*, *искренний* – *искренне* члены словообразовательных пар различаются только частеречным компонентом значения). Правый полюс деривационной транспозиции соотносится с фактами номинативного (*бросок*, *выборы*, *прятки*) и коннотативно-оценочного (*резня*, *беготня*) «осложнения» транспозиционных СЗ. Эти размышления и выводы можно было бы изложить также в терминах поля, выделив ядерную, центральную и периферийную зоны транспозиционных СЗ и, соответственно, словообразовательных категорий транспозиционного типа.

Вопрос о включении в деривационно-семантическую типологию смешанных словообразовательных категорий является одной из самых спорных проблем теории словообразовательной категориальности. В.В. Лопатин, обосновывая выделение смешанных категорий, характеризует их как «комплексные», «вторичные», сводимые к простым, первичным. Этот вывод сформулирован учёным в качестве возможной интерпретации следующих языковых фактов: в отглагольных образованиях типа *швея, жнея, ворожея* или *стряпуха, щebetуха* соединяются, по его мнению, мутационное значение ‘производитель действия’ и модификационное ‘женскость’; в отадективных существительных типа *хитринка, лукавинка* или типа *хитреца, прохладца* нерасчленённо выражаются транспозиционное значение отвлечённого признака и модификационное значение слабой степени проявления признака [13, с. 28–29]. И.С. Улухановым производные такого рода систематизированы и разнесены по комбинациям значений в следующие рубрики:

– совмещение модификационного и мутационного значений (например, ‘невзрослое существо’ и ‘кто-либо, имеющий отношение к тому, что названо мотивирующим существительным’: *Октябрь – октябрёнок*);

– совмещение транспозиционного значения с различными модификационными значениями (например, значение опредмеченного действия и значение ‘большая интенсивность’: *грабёж, скулёж, толчея, суетня*);

– совмещение транспозиционного и мутационных значений (например, значение ‘опредмеченное действие, свойственное тому, кто назван мотивирующим существительным’: *шпион – шпионаж, враг – вражда, клоун – клоунада, эксперт – экспертиза*);

– теоретически возможное, но редко реализуемое сочетание всех трёх типов (в слове *картёж* (прост.) суффикс совмещает транспозиционное (‘опредмеченное действие’), мутационное (‘действие с использованием того, что названо мотивирующим существительным’) и модификационное (‘интенсивность’) значения (см. [9, с. 148–202]).

В числе причин совмещения значений И.С. Улуханов называет неполноту словообразовательных цепочек: например, отсутствие слова с чисто трансформационным значением в цепочках существительных (ср.: *хитрить – хитреца* на фоне полной цепочки *хрипеть – хрипота – хрипотца*) [9, с. 163]. В.В. Лопатин связывает расчленённость словообразовательной семантики, кроме того, с расчленённостью форманта, когда «разные компоненты комплексного словообразовательного значения выражаются отдельными составными частями комплексного форманта» [13, с. 27]. Например, в префиксально-суффиксальных существительных типа *подоконник, ошейник, наколенник* мутационное значение отношения к предмету, названному мотивирующим существительным, выражается, по утверждению учёного, суффиксальной частью форманта, а мутационное значение пространственной ориентации – префиксальной частью. Принять этот довод принципиально невозможно ввиду его несоответствия современным представлениям о функциональной целостности подобных морфем (конфиксов), разработанным и убедительно обоснованным казанскими лингвистами (см. [14, с. 42–45, 71–72]).

Констатация смешанного характера перечисленных СЗ может быть расценена как признание их ономаσιологической неоднородности и своеобразной «лоскутности», что ставит под сомнение правомерность трактовки этого главного основания категоризации. Признавая, что определяющим классификационным признаком словообразовательной категории, в отличие от способа словообразования, является признак семантический (СЗ), классики отечественного словообразования подчёркивают, что здесь формальные классификации подчиняются семантическим [13, с. 25–26]. Между тем сами СЗ приравнены в семантической концепции этих учёных, охарактеризованной выше, к значениям формантов. В «Русской грамматике» 1980 г. это положение сформулировано в виде базовой позиции: «Носителем словообразовательного значения является формант» [7, с. 135].

Ономаσιологический подход, в рамках которого СЗ определяется как «значение модели в целом, а не значение отдельно её рассматриваемых частей и их сумма» [3, с. 96], релятивен в своей основе и потому в большей степени соответствует деривационной природе словообразовательной семантики. Называя системно заданный тип связи между тем, что понимается как ономаσιологический базис, и тем, что воспринимается как ономаσιологический признак, СЗ осмысливается не в жёстких рамках морфемной значимости, свойственных грамматике, а в соответствии с более гибкой и содержательно определённой конструкцией – расчленённой бинарной структурой плана выражения. Ономаσιологическая трактовка СЗ оказывается наиболее родственной главному принципу разграничения понятий транспозиции, модификации и мутации, который учитывает «конкретный замысел словообразовательного акта и его результаты, измеряемые: а) дистанцией между исходным и производным словом в семантическом отношении; б) типом и характером преобразований в производном слове по сравнению с непосредственно мотивировавшей его единицей, то есть той, которая послужила его источником» [15, с. 160]. Точнее говоря, разграничение типов словообразовательных категорий осуществляется с учётом ономаσιологической природы СЗ.

Если с позиций лексической семантики существительные *лукавинка*, *хитреца*, *прохладца*, называющие отвлечённый признак в слабой степени, однотипны с именами *хрипотца*, *краснотца*, то в рамках деривационно-семантической типологии эти производные разнотипны. В словообразовательных парах *краснота* – *краснотца*, *хрипота* – *хрипотца* выражение семы ‘отвлечённый признак’ связано с производящей основой деривата, значению форманта соответствует сема ‘слабая степень’; семантическое расстояние между производным и производящим словами всецело укладывается в рамки представлений о модификации. Производные с формантами *-инк(а)*, *-ец(а)/-ц(а)* мотивированы словами другой части речи – именами прилагательными, что в корне противоречит определению модификации. Семантика отадективных имён типа *лукавинка*, *хитреца*, *прохладца* представляет собой результат осложнённой транспозиции, при которой значение признака (*лукавый*, *хитрый*, *прохладный*) не только получает другие «морфологические одежды» вместе с системно заданной семой ‘отвлечённость’, но и осложняется добавочным смыслом ‘невысокая степень’. Соответствующие

словообразовательные типы являются, следовательно, средством семантической субкатегоризации транспозиционной словообразовательной категории отвлечённого признака.

Аналогично доказывается отсутствие модификационной составляющей в семантике таких слов, как *ворожея*, *швея*, *стряпуха*. У этих производных отсутствует формально-семантическая связь с именами лица – существительными мужского рода, базовыми для класса «женских» модификатов (ср.: *учитель* – *учительница*, *поэт* – *поэтесса*, но *ворожить* – *ворожея*). Иначе говоря, производящие глагольные основы в таких случаях претерпевают межкатегориальную (межчастеречную) мутацию, а не модификацию. Исходя из этого, логично рассматривать категорию производителя действия, функционально обогащённую периферийными наименованиями деятелей-женщин, как всецело мутационную (без модификационной составляющей).

Тип отношений между производящими и производными словами в рамках любой словообразовательной категории принципиально един на всём протяжении её исторического развития, поскольку именно эти отношения отражены в СЗ, представляющем собой главный конституирующий признак словообразовательной категории. Этому выводу в целом не противоречит признание того, что в языке происходит постоянный процесс изменения (как правило, расширения) семантического и функционального диапазона словообразовательных категорий. Он осуществляется, в частности, благодаря обогащению категории новыми формантами, которые могут возникать на базе уже существующих путём их морфемного осложнения и последующей переинтеграции. Производные с такими формантами вступают с другими единицами словообразовательной категории в отношения синонимии или дублирования; одна из важных функций формирующихся таким путём словообразовательных моделей – раздвижение рамок стилистического пространства, покрываемого этой категорией. Такова, например, история словообразовательного типа на *-ьствие*, рассмотренная Г.А. Николаевым (см. [14, с. 91]).

Тип словообразовательной категории в результате подобных эволюционных процессов не меняется. Более того, семантическое варьирование категориального СЗ является нормой словообразовательной системы, и сосуществование в языке словообразовательных типов с тождественным или сходным СЗ (семантически дублетных или специализирующихся на передаче частных категориальных смыслов) – основная форма реализации этой нормы. Однако некоторые изменения системно-деривационных характеристик производных какой-либо словообразовательной категории, происходящие в соответствии с законами языковой эволюции, могут привести к нарушению её изначальной «чистоты», то есть семантической и мотивационной однородности. Накопление в составе словообразовательных категорий семантически более сложных компонентов (каковы, в частности, наименования деятелей-женщин в ряду отглагольных наименований производителя действия) «растягивает» периферийную зону категории, включая механизмы автономизации вплоть до отделения и образования новых категорий. Реализация подобных механизмов служит залогом динамического развития всей деривационной системы.

Ещё один путь эволюции словообразовательных категорий – это развитие у целого ряда одноструктурных дериватов, которые мотивированы, в свою очередь, производными лексемами, свойства множественной мотивированности. Таковы, например, рассмотренные Е.И. Коряковцевой дериваты типа *разбойничество*, мотивированные глаголами (*разбойничать*) и одновременно мотивирующими эти глаголы личными существительными (*разбойник*) (ср. отглагольные производные с «чисто» транспозиционным значением типа *убийство*) [12, с. 281]. Однако и в этом случае вывод о смешанном характере соответствующей словообразовательной категории, по нашему убеждению, был бы неправилен. Более точно суть рассматриваемого явления отражает следующее высказывание М. Докулила: «Отнесение того или иного явления к той или иной категории не всегда должно иметь вид дизъюнкции «или А, или Б». Часто оно имеет вид альтернатив «А и/или Б ($\neq A$)», «больше А – меньше Б», «скорее А, чем Б», «первично А, вторично Б», «с одной стороны А, с другой Б (=А)» [16, с. 32]. Важно подчеркнуть, что учёный констатирует возможность установления двойного категориального статуса единиц, а не смешанный характер самих категорий, что представляется вполне логичным.

Резюмируем сказанное. Устоявшаяся в целом семантико-деривационная типология словообразовательных категорий, построенная на разграничении транспозиционного, мутационного и модификационного типов в докулиловском (ономазиологическом) понимании этих терминов, обнаруживает отсутствие единства и противоречивость в толковании транспозиции и, следовательно, нуждается в уточнении содержания и объёма транспозиционной составляющей. Наша точка зрения по этому вопросу определяется отказом от попыток всецело переместить это явление в область грамматических (частеречных, синтаксических) значимостей. Транспозиция в системе словообразования – это всегда акт номинативной деривации, то есть создание производного языкового знака с предельно близким, но всё же иным, отличным от источника деривации лексическим значением (и, соответственно, лексическим содержанием). Специфику транспозиции составляет перевод грамматической (частеречной) семы базового слова в доминантную (ядерную) позицию собственно лексической зоны значения деривата.

В транспозиционном словообразовании русского языка обнаруживается предметно-понятийный и оценочно-экспрессивный потенциал, объективируемый в дифференциальных компонентах семантической структуры производных. В силу этого в составе словообразовательных категорий транспозиционного типа выделяются семантические разновидности с целым спектром добавочных смыслов (например, единичного акта действия (*скачок, бросок*) или экспрессивного, негативно оцениваемого действия (*резня, мазня*) в категории отвлечённого действия). Эти семы лишь уточняют, детализируют доминантную категориально-лексическую сему 'действие', не зачёркивая её (ср.: *прыганье* и *прыжок*), а значит, их наличие в семантике дериватов не противоречит транспозиционному в целом характеру категорий.

Изложенное понимание транспозиции частично снимает вопрос о квалификации «смешанных» словообразовательных категорий. Более подробный анализ проблемы убеждает в нецелесообразности выделения смешанного типа

в рамках данной типологии, поскольку это противоречит ономаσιологической природе СЗ как главного и единственного основания словообразовательной категоризации. Частичная перестройка семантико-деривационного регистра словообразовательной категории может привести к формированию на её базе какой-либо другой категории, что является одним из путей расширения и совершенствования словообразовательной системы в целом.

Summary

V.A. Kosova. Derivational and Semantic Typology of Word-Formation Categories.

The article analyses the main approaches to the distinguishing of the types of word-formation categories according to the nature of derivational semantics. The research aims to specify the idea of diversity of the types of word-formation categories and deepen the understanding of their linguistic nature. The author justifies the nominative rendering of transposition, and, taking into account the onomasiological nature of word-formation meaning, proves that it is groundless to distinguish a mixed type of word-formation categories.

Keywords: word-formation category, word-formation meaning, Russian language, transposition, sound-shifting, modification.

Литература

1. *Богородицкий В.А.* Лекции по общему языковедению. – Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1915. – II, 332 с.
2. *Васильев Л.М.* Современная лингвистическая семантика. – М.: Либроком, 2012. – 192 с.
3. *Кубрякова Е.С.* Типы языковых значений. Семантика производного слова. – М.: URSS: Либроком, 2009. – 208 с.
4. *Гинзбург Е.Л.* Словообразование и синтаксис. – М.: URSS: Либроком, 2010. – 264 с.
5. *Кубрякова Е.С.* Части речи в ономаσιологическом освещении. – М.: URSS: ЛКИ, 2010. – 120 с.
6. *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. Teorie odvozování slov, I. – Praha: Academia, 1962. – 263 s.
7. Русская грамматика: в 2 т. – М.: Наука, 1982. – Т. 1. – 689 с.
8. *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Курилович Е. Очерки по лингвистике. – М.: Изд-во иностр. лит., 1962. – С. 57–70.
9. *Улуханов И.С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. – М.: ЛКИ, 2008. – 232 с.
10. *Кубрякова Е.С.* Язык и знание: на пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славян. культуры, 2004. – 555 с.
11. *Ширшов И.А.* Имя действия в словообразовательной системе языка // Славистика: синхрония и диахрония. Сб. науч. ст. к 70-летию И.С. Улуханова. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 258–270.
12. *Коряковцева Е.И.* Типы словообразовательных категорий: функции формантов, семантика производящих основ (отсубстантивные *nomina actionis* с формантом *-ство*) // Славистика: синхрония и диахрония. Сб. науч. ст. к 70-летию И.С. Улуханова. – М.: Азбуковник, 2006. – С. 271–283.

13. *Лопатин В.В.* Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков // Лопатин В.В. Многогранное русское слово: Избранные статьи по русскому языку. – М.: Азбуковник, 2007. – С. 25–33.
14. *Николаев Г.А.* Русское историческое словообразование: Теоретические проблемы. – М.: URSS; ЛИБРОКОМ, 2010. – 184 с.
15. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
16. *Докулил М.* Структура постосновного словообразовательного форманта (к суффиксальной и безаффиксной деривации в славянских языках) // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 26–33.

Поступила в редакцию
10.09.13

Косова Вера Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия.

E-mail: vera_kosova@mail.ru